

Ф 2-78
1358(8)

IX 46
94

ЗНАМЯ

В НОМЕРЕ

Роман

Вилия ЛИПАТОВА

**«ЖИТИЕ
ВАНЮШКИ МУРЗИНА...»**

Михаил МАТУСОВСКИЙ

«СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ»

Стихи

Валентина БЕРЕСТОВА, Влади-
мира КОСТРОВА, Александра
ЮДАХИНА

Иностранная новелла

Э. Фолленвейдер

«В ТУМАНЕ»

К 150-летию со дня рождения

Л. Н. Толстого

Л. ОПУЛЬСКАЯ — Героическая
тема в творчестве Л. Н. Толстого

Очерки и статьи:

В. ПАЛЬМАНА, И. ЦЕХОНИ,
Эрнста ГЕНРИ, В. КОВСКОГО,
В. ДЕМЕНТЬЕВА

8

1 9 7 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ЗНАМЯ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Валентин Берестов ♦ Повестка после Победы. Цикл стихотворений	3
Виль Липатов ♦ Житие Ванюшки Мур- зина...	6
Владимир Костров ♦ Три стихотво- рения	89
Михаил Матусовский ♦ Семейный альбом	91
Александр Юдахин ♦ Единство места. Цикл стихотворений	153

Иностранная новелла

Эрнст Фолленвейдер ♦ В тумане	155
---	-----

Горизонты Нечерноземья

Вячеслав Пальман ♦ Братовщина	162
---	-----

За рубежом

И. Цехоня ♦ Перед судом истории	181
---	-----

На фронтах идеологической борьбы

Эрнст Генри ♦ В погоне за люмпен-про- летариатом (За фасадом неофашистских и левацких организаций)	196
--	-----

К 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого

Л. Опульская ♦ Героическая тема в творчестве Л. Н. Толстого	211
--	-----

*Ежемесячный журнал
Выходит с января 1931 г.*

А В Г У С Т

**К Н И Г А
В О С Ъ М А Я**

**М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»**

1978

Текущий литературный процесс

Вадим Ковский ◆ Мысли и сердце (об
одном типе художественного конфликта) . 222

Мастерство писателя

Валерий Дементьев ◆ Всевластное
слово поэта 234

У книжной полки

Татьяна Кузовлева ◆ Правота высо-
кой любви 240
Оскар Ремез ◆ Время действия—жизнь 243
Ю. Шапорев ◆ Дочь степей 246
В. Оскоцкий ◆ История, общество, лич-
ность 248
В. Санин ◆ В небе Арктики 252
О. Чугай ◆ Долгое эхо весны 253
В. Муссалитин ◆ Найти себя 255

ТОВАРИЩИ! НА НАШЕМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
ГЕРБЕ ЗОЛОТЫЕ КОЛОСЬЯ ПШЕНИЦЫ. И ЭТО
НЕ СЛУЧАЙНО. НАШ ХЛЕБ — ЭТО РЕЗУЛЬТАТ
ОБЪЕДИНЕННОГО ТРУДА КРЕСТЬЯНИНА, РАБО-
ЧЕГО И ИНТЕЛЛИГЕНТА. ДАЛЬНЕЙШИЙ ПОДЪ-
ЕМ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА — НЕОТЪЕМЛЕМАЯ
ЧАСТЬ ВСЕСТОРОННЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ПРОГРЕССА ВСЕЙ СТРАНЫ. ЭКОНОМИКА, КАК
ПОДЧЕРКИВАЛ ЛЕНИН, ЗАТРАГИВАЕТ «САМЫЕ
ГЛУБОКИЕ ОСНОВЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СО-
ТЕН МИЛЛИОНОВ». А ТАМ, ГДЕ РЕЧЬ ИДЕТ
О МИЛЛИОНАХ ЛЮДЕЙ, ОБ УСЛОВИЯХ ИХ
ЖИЗНИ, ТРУДА И БЫТА, НАЧИНАЕТСЯ ДЛЯ
КОММУНИСТОВ САМАЯ СЕРЬЕЗНАЯ ПОЛИТИКА,
ПРОХОДИТ ГЛАВНАЯ ЛИНИЯ ИХ ОРГАНИЗАТОР-
СКОЙ И ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС
товарища Л. И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС
3 июля 1978 года.

Валентин Берестов

ПОВЕСТКА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Школа, 1942-й

Тут быть бы живу. Не до жиру.
Везде беда встречала нас.
Но в дни войны был остров мира —
Битком набитый школьный класс.
Урок тянулся монотонно,
И в моде были, как всегда,
Периклов шлем, парик Ньютона
И Льва Толстого борода.

Сны сорок третьего года

Руку отбив после пятой попытки,
Ухо опять прижимаю к калитке.
Ну хоть бы кто-нибудь вышел открыть ее!
Спит моя мама. Спит общежитие.
Женские, детские сны тыловые:
Мертвые в них, ну совсем как живые,
Тут и свиданья, тут и застолье,
Дождик грибной и гречишное поле,
Сны-утешители, сны-охранители,
Целых миров — и жиров — заменители.
Что-то запомнится, что-то забудется,
Что-то на завтра всем цехом обсудится,
Что-то исполнится, что-то не сбудется...
Долго стучусь в тишине полуночной.
Спит при луне переулок восточный.
Что за дома — ни окна, ни крылечка,
Глина одна да в калитке колечко.

На фронтах идеологической борьбы

Эрнст Генри

В ПОГОНЕ ЗА ЛЮМПЕН-ПРОЛЕТАРИАТОМ (ЗА ФАСАДОМ НЕОФАШИСТСКИХ И ЛЕВАЦКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ)

I

На авансцене современного капиталистического мира действуют те же основные социальные силы, которые сталкивались на ней в течение всей новейшей истории: рабочий класс, с одной стороны, буржуазия — с другой, мелкая буржуазия между теми и другими. В последние десятилетия, однако, наблюдаются упорные попытки продвигнуть на мировую арену еще одну силу, которая всегда находилась на задворках буржуазного общества и самостоятельной роли в политической жизни не играла. Речь идет о люмпен-пролетариате¹.

Хотя эти попытки, несомненно, обречены на провал, они тем не менее в какой-то мере уже отражаются на том, что сегодня происходит в мире.

Люмпен-пролетарий — человек «дна», личность, стоящая на низшей ступени общественной лестницы и по собственной вине окруженная всеобщим недоверием и даже презрением. Он не принадлежит ни к какому классу, не признает никакой морали, не участвует в производительном труде и, когда только может, нарушает законы государства. Он против всех и каждого, только за самого себя. Противостоит обществу, он не ведет никакой революционной борьбы за его перестройку и не признает дисциплины; уголовщина интересует его больше политики. Ненавидя буржуазию, он зарится на собственность отдельного буржуа. Любому организованному труду он предпочитает паразитарное существование.

Идеалов, кроме стремления к личной выгоде, у него нет. Ради денег он готов пойти на преступление. Его нетрудно подкупить. Он ни во что и ни в кого не верит. Повернуть его в сторону рабочего движения трудно, большей частью невозможно: на завтра он сбежит. Он остается аутсайдером.

Из кого конкретно состоит люмпен-пролетариат? Маркс называл люмпенов «отребьем», «отбросами», «накипью всех классов»². Упомянув в своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» о созданной Луи Бонапартом в 1849 году организации парижских люмпен-пролетариев «Общество 10 декабря», Маркс писал о его составе:

«Рядом с промотавшимися кутилами сомнительного происхождения

¹ Люмпен-пролетариат — от немецкого «люмпен» — лохмотья.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том 8, стр. 168.

и с подозрительными средствами существования, рядом с авантюристами из развращенных подонков буржуазии в этом обществе встречались бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие — словом, вся неопределенная, разношерстная масса, которую обстоятельства бросают из стороны в сторону...»¹.

С презрением и возмущением Маркс описывал, как подкупленные французские люмпены выполняли грязную работу для дворцовой клики, рассчитывая «ублаготворить себя за счет трудящейся массы нации»². Маркс называл организацию люмпенов «обществом беспорядка, проституции и воровства»³ и считал их врагами организованного рабочего класса.

Касался люмпен-пролетариата в своих сочинениях и В. И. Ленин, также подчеркивая его паразитизм и общественную несостоятельность. «...Нужда и нищета, — писал Ленин, говоря об условиях жизни в капиталистическом обществе, — выбрасывали тысячи и тысячи на путь хулиганства, продажности, жульничества, забвения человеческого образа... Богатые и жулики — это две стороны одной медали, это — два главных разряда паразитов, вскормленных капитализмом...»⁴.

Резко осуждая люмпен-пролетариат за антисоциальную натуру этого слоя, Ленин подчеркивал его численное значение. В книге «Развитие капитализма в России» он включал в число непроизводительного населения «почти 1/2 млн. нищих, бродяг и т. п. и т. д.»⁵. Несколько времени спустя, возвращаясь к той же теме в связи с голодом в России, Ленин отмечал «увеличение числа босых и нищих, посетителей ночлежных домов и обитателей тюрем и больниц»⁶. В изданной за два года до революции 1905 года ленинской брошюре «К деревенской бедноте» упоминалось, что безработные в городах «наполняют босые команды и золотые роты, ютятся, как звери, в землянках городских предместий или в таких ужасных трущобах и подвалах, как на Хитровом рынке в Москве»⁷.

Но Ленин не выказывал сочувствия к людям «на дне», разлагавшимся в подвалах и отказывавшимся вступить на революционный путь. Несмотря на нищету люмпен-пролетариата, Ленин, как и Маркс, резко отделял его от рабочего класса, указывал на его беспринципность и продажность, отмечая, что буржуазия охотно использует люмпенов против рабочих. Во время всеобщей стачки в Цюрихе в 1912 году Ленин обращал внимание на то, что среди нанятых предпринимателями в Гамбурге штрейкбрехеров «были всякие уголовные типы, осужденные в Германии за сводничество, драки и т. п. Этих оборванцев или золотую роту (люмпен-пролетариев) капиталисты снабдили револьверами. Обнаглевшая банда этих штрейкбрехеров разошлась по трактирам рабочего квартала и вела себя с неслыханным хулиганством»⁸.

Еще строже отнесся Ленин к остаткам люмпен-пролетариата в России после Октября, когда Советской власти пришлось столкнуться с этими подонками, заполнявшими и теперь ряды преступного мира. Жуликов, тунеядцев и хулиганов Ленин прямо причислял к врагам народа. «...Этих врагов, — писал он, — надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно»⁹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том 8, стр. 167—168.

² Там же, стр. 168.

³ Там же, стр. 169.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 35, стр. 200—201.

⁵ Там же, том 3, стр. 504.

⁶ Там же, том 5, стр. 319—320.

⁷ Там же, том 7, стр. 141.

⁸ Там же, том 21, стр. 398.

⁹ Там же, том 35, стр. 201.

Такую оценку давали люмпен-пролетариату Маркс и Ленин. Гениальные руководители пролетариата его не щадили¹.

Сегодня можно сказать, что за десятилетия, истекшие со времени высказываний Маркса и Ленина, натура люмпен-пролетария по существу не изменилась. Он по-прежнему стоит за чертой рабочего класса и не имеет ничего общего с рабочим движением. Он и теперь ютится на задворках буржуазного общества, думает только о самом себе и предпочитает нормальному труду паразитарное существование. Его антиобщественные настроения даже усилились. Но, ненавидя буржуазию, он и в наши дни не борется, а завидует ей, действуя против нее уголовными способами и по-хулигански. Ни в какие идеалы он по-прежнему не верит. Но если сам люмпен-пролетарий остался таким, каким был, то вокруг него изменилось многое, и это ведет к немаловажным последствиям и для него самого.

Несмотря на динамические темпы роста современной промышленности, количество люмпен-пролетариата, деклассированной части населения, в нашу эпоху не уменьшилось, а значительно увеличилось. Влияет общий кризис капитализма. Научно-техническая революция способствует размножению люмпенов, так как все время вливает в их ряды часть вытесняемых из производства людей неквалифицированного труда. Вместе с тем в условиях того же кризиса растет число профессиональных уголовников, число проституток, на сцене появляется новый вариант босяка — тот деклассированный «хиппи», который отказывается вернуться в общество и присоединиться к рабочему движению, множится число бродяг и других лиц того же толка. Люмпен-пролетариат в наше время, несомненно, крупнее по объему и шире по своим разветвлениям, чем в XIX веке, но более просвещенным и менее продажным он не стал. Скорее наоборот.

Наиболее характерной чертой современного люмпена можно, бесспорно, считать его возросшее тяготение к преступности, причем преступности самого мрачного, гангстерского типа. Преступный мир всегда составлял твердое ядро люмпен-пролетарской массы. Теперь, однако, он соприкасается с ней ближе, чем когда-либо.

Сам этот мир, как известно, стал в капиталистических странах за последние десятилетия и количественно и качественно иной величиной, чем был до второй мировой войны. Еще никогда за всю историю капитализма эта общественная система не порождала такое колоссальное количество преступлений, как теперь. В США, например, преступники насчитываются сегодня многими миллионами, образуя постоянно действующую, в ряде случаев централизованно управляемую касту, которую боится вся страна и даже само правительство.

Эта часть современного люмпен-пролетариата уже отнюдь не всегда ассоциируется со словом «лохмотья», не ютится в подвалах и ночлежных домах, а сплошь и рядом живет лучше, чем средний буржуа. Ее верховоды даже роскошествуют. Но ее психология осталась той же: лучше преступление, чем прогрессивная политика. Ее верхушка («Синдикат») извлекает из преступлений доходы, официально оцениваемые в более чем четыре миллиарда долларов ежегодно. Иначе говоря, функционирует большой бизнес уголовников, действующий, когда придется, при помощи разветвленного террористического аппарата. Люмпен-пролетариат и поставляет кадры для

¹ Того же мнения о люмпен-пролетариате были и другие видные марксистские мыслители. Роза Люксембург писала в 1918 году: «Особую проблему большой важности для каждой революции представляет борьба с люмпен-пролетариатом. Мы в Германии и повсюду тоже будем иметь с этим дело. Люмпен-пролетарский элемент врос в буржуазное общество не только как особый слой, как социальные отбросы, которые растут с огромной быстротой особенно во времена, когда обрушиваются стены общественного строя, но и как неотъемлемый элемент общества в целом... Пролетарской революции придется повсюду бороться с этим ее врагом и орудием контрреволюции» (Rosa Luxemburg. Gesammelte Werke, Bd. 4, s. 361).

операций этого гангстерского центра, который теперь фактически руководит им по всей стране.

По официальным данным, в США в 1970 году, например, было совершено 5 568 200 тяжелых преступлений — убийств, изнасилований, разбойничьих нападений. Подсчитано, что с 1960 по 1970 год преступность в стране выросла на сто семьдесят шесть процентов, тогда как прирост населения за то же время составил всего четырнадцать процентов; преступность растет в двенадцать раз быстрее. В начале 1976 года было установлено, что число заключенных в американских тюрьмах достигло рекордной цифры за всю историю страны: почти четверть миллиона человек. Но поскольку властям удастся обнаружить и наказать лишь небольшую часть серьезных преступлений — по одним данным, одно из каждых двенадцати, по другим — даже одно из пятидесяти, — то уголовный мир продолжает процветать и привлекать к себе все новые и новые элементы из деклассированной массы. Тем самым эта масса в целом становится все более опасной для общества.

Сходные явления, хотя и не в таких масштабах, наблюдаются в других странах Запада. В Англии, согласно заявлению в апреле 1976 года начальника полиции графства Линкольншир, число преступлений с применением насилия увеличивается вдвое каждый год. В Японии в 1975 году было совершено 1 234 307 преступлений, каждое третье из которых осталось нераскрытым. В ФРГ каждую минуту происходит в среднем два ограбления или кражи со взломом; общий ущерб от них в 1975 году превышал три миллиарда марок. В Западном Берлине в первом полугодии 1976 года число убийств по сравнению с тем же периодом предыдущего года возросло на двадцать три процента, ограблений банков, почт и сберегательных касс — на семьдесят процентов, магазинов — на двадцать пять процентов. Здесь, как и в США, растет не только число преступлений, — продолжает увеличиваться доля профессиональных уголовников в составе населения.

В настоящее время есть и другой, почти такой же емкий резервуар для пополнения люмпен-пролетариата: молодежь, вышвырнутая из колеи экономическим, политическим и моральным кризисом капиталистического общества. Сейчас в двадцати четырех капиталистических странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, насчитывается более семи миллионов молодых безработных, при этом среди них постоянно растет число лиц с высшим образованием. Факты подтверждают, что немало мелкобуржуазной и даже рабочей молодежи, изверившейся в капиталистическом строе, добровольно опускается на дно общества, начинает вести люмпен-пролетарское существование и даже находит в этом какое-то удовлетворение. Речь идет о десятках тысяч, временами сотнях тысяч юношей и девушек.

В США это некоторая часть так называемых «хиппи» — молодых людей, нередко подростков, порвавших со своими семьями, отказывающихся от регулярного труда, сбрасывающих с себя «цепи культуры» и бродяжничающих по дорогам страны, не зная, куда девать свою жизнь. Путь к рабочему движению большей частью не находят и они, придумывая себе самые экстраординарные, беспочвенные идеи. Число таких добровольных люмпенов с годами не сокращается, и властям приходится браться за них всерьез. Некоторые хиппи еще не так давно объединялись в так называемые «мотоциклетные команды», рыскавшие по стране и нередко занимавшиеся неприкрытым бандитизмом. В городах они связываются с гангстерскими группами и вовлекаются в уголовные преступления. Дело «банды Мэнсона», состоявшей из нескольких десятков юношей и девушек и убившей ради «устрашения» тридцать пять человек, потрясло в 1969—1971 годах всю Америку.

На деклассировании известной части молодежи в капиталистическом мире опять-таки выигрывает люмпен-пролетариат. Экономической базой этого процесса служит, разумеется, охватившая буржуазные страны мас-

совая безработица, особенно больно ударившая по молодежи. Еще весной 1976 года было подсчитано, что только в десяти странах Западной Европы, входящих в «Общий рынок», число безработных молодых людей в возрасте до двадцати пяти лет превышало два миллиона человек, составив более сорока процентов общего числа безработных. В США в феврале 1976 года было семь миллионов молодых людей в возрасте от шестнадцати до двадцати четырех лет, безуспешно пытавшихся найти работу, в черных же и цветных гетто лишены работы были две пятых всей молодежи. В Италии, где летом 1978 года насчитывался один миллион восьмьсот тысяч безработных, три четверти этого числа составляла молодежь в возрасте до двадцати девяти лет. Значительная часть безработных молодых вынуждена вести люмпен-пролетарское существование. Можно предполагать, что те пятьсот пятьдесят семь тысяч голосов, которые на выборах в Италии в 1976 году получили левачьи организации, исходили из этой среды.

Не удивительно, что какая-то часть наиболее отчаявшихся молодых ищет выход в совершении преступлений. Весной 1976 года более половины заключенных в федеральных тюрьмах и тюрьмах штатов США приходилось на лиц в возрасте от семнадцати до двадцати девяти лет, которые либо потеряли работу, либо вообще не могли найти ее после окончания школ и колледжей. В этом же году было установлено, что почти половину преступлений в США совершали люди в возрасте до двадцати лет. Так целые контингенты молодых волей-неволей превращаются в люмпен-пролетариев и некоторые из них так и остаются ими.

Конечно, это относится только к наиболее незрелым и отсталым элементам среди безработных. Сознательное большинство, как всегда, ищет выход в присоединении к рабочему движению, защищающему их жизненные интересы. И все-таки процесс деморализации и деклассирования какой-то части этого слоя продолжается.

Можно ли действительно предположить, что молодые преступники, запутавшиеся вконец, не возвращающиеся к нормальной жизни хиппи и родственные им элементы — явление временное, объяснимое одним лишь экономическим кризисом? Едва ли. Известно, что они массами появились на сцене еще до кризиса. Корни процесса деклассирования части молодежи в капиталистическом мире заложены глубже: они ведут не к нынешнему экономическому кризису этого мира, а к процессу его общего загнивания¹.

Таков основной состав современного люмпен-пролетариата. Существенных, коренных перемен по сравнению с прошлым в этом составе не произошло. Преступный мир по-прежнему составляет твердое внутреннее ядро этой прослойки. Воры, мошенники, наемные убийцы, бродяги, нищие, проститутки, буржуазные подонки остались. Фигляров, шарманщиков, лаццарони, тряпичников и других лиц этого типа, о которых в 1852 году говорил Маркс, уже не осталось или осталось очень мало. Но те, кто пришел им на смену, ничуть не ближе к организованному рабочему классу. Больше того. В руках чуждых и враждебных рабочему классу сил люмпен-пролетарии могут теперь стать еще более опасным орудием, чем раньше.

II

Как уже сказано, состав люмпен-пролетариата в основном не изменился. Но изменились ли его мышление, его психика? Только в одном: он еще более огрубел и ожесточился.

Не следует забывать, что волчья жестокость всегда была присуща этим элементам. Вожаки люмпенов и те, кто стремился стать их политическими вдохновителями, неизменно учили их не признавать никакой морали и на-

¹ Важной проблемы люмпен-пролетариата в современном «третьем мире» мы здесь не касаемся.

смеяться над чувством человеколюбия. В XIX веке такой пропагандой занимались и на нее возлагали надежды прежде всего анархисты и близкие им деятели.

Нечаев, соратник Бакунина, мечтавший руководить в России кровавым бунтом крестьян и босаков, специально обучал их свирепости и безжалостности. В изданной его группой и вызвавшей гневную отповедь Маркса и Энгельса листовке «Постановка революционного вопроса» говорилось:

«Разбой — одна из почетнейших форм русской народной жизни. Разбойник — это герой, защитник, мститель народный... Кто не понимает разбоя, тот ничего не поймет в русской народной истории... Лишь в разбое доказательство жизненности, страсти и силы народа... Разбойник в России настоящий и единственный революционер, — революционер без фраз, без книжной риторики, революционер непримиримый, неутомимый и неукротимый на деле, революционер народно-общественный, а не политический и не сословный (то есть не классовый революционер. — Э. Г.)... Разбойники в лесах, в городах, в деревнях, разбросанные по целой России, и разбойники, заключенные в бесчисленных острогах империи, составляют один, нераздельный, крепко связанный мир... Кто хочет конспирировать не на шутку в России... тот должен идти в этот мир...»¹.

То была настоящая программа массовой резни, а не политической революции. Никакой разграничительной черты между революционерами и уголовниками в ней не проводилось, то и другое смешивалось в одно — в бесшабашный апофеоз разбойничьего люмпен-пролетариата. В издании той же группы «Начала революции» это подчеркивалось: «Не признавая другой какой-либо деятельности, кроме дела истребления, мы соглашаемся, что формы, в которых должна проявляться эта деятельность, могут быть чрезвычайно разнообразны. Яд, нож, петля и т. п.». В других нечаевских документах говорилось о «разнуздании того, что ныне называется дурными страстями», но «необходимо», о важности добиваться, чтобы «не осталось... камня на камне», даже о том, что у многих «будет вырван язык»². В нечаевском «Катехизисе революционера» проповедовалось: «Революционер... знает только одну науку — науку разрушения... Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. Он не должен останавливаться перед истреблением... какого-либо человека, принадлежащего к этому миру. Все и все должны быть ему равно ненавистны. Тем хуже для него, если у него есть в нем родственные, дружеские и любовные отношения; он не революционер, если они могут остановить его руку»³. Там же указывалось: революционер «в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями и нравственностью этого мира»⁴.

Подойти ближе к психологии люмпен-пролетария-уголовника было невозможно. Маркс и Энгельс, как говорилось, сурово заклеили эту проповедь звериности. Вожди международного пролетариата сразу подметили в ней не только полное отсутствие реалистической революционной мысли, но и безудержную злобу к организованному, выбравшему научный путь борьбы рабочему классу — злобу за его социальную устойчивость и целеустремленность.

Нечаев и Бакунин делали в то время все, чтобы разжечь в люмпен-пролетариях «дурные страсти», но без успеха. В начале XX века они нашли продолжателей — на противоположной стороне политической сцены. Первыми, кто в массовом порядке заново обратился к люмпен-пролетариату с пропагандой грубого насилия — но не против буржуазии, а вновь, как при

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том 18, стр. 393.

² См. там же, стр. 394, 392, 393, 397.

³ См. там же, стр. 416, 417.

⁴ См. там же, стр. 416.

Луи Бонапарте, против лагеря левых, — были русские монархисты, создавшие в 1905 году для борьбы с революцией большую черносотенную организацию «Союз русского народа». Помимо лавочников, кабацких завсегдатаев, священников и кулаков, в него с помощью полиции вербовались целые банды уголовников и босяков. Черносотенные своры нападали на рабочих и революционеров, устраивали погромы и, где могли, грабили. Но предотвратить грядущую новую, победоносную революцию в России купленные царской полицией подонки не смогли.

Четверть века спустя примеру русских черносотенцев, но в несравненно более широких масштабах последовали фашисты в Германии. Еще до того, как тяжелый экономический кризис 1929—1933 годов выбросил на улицу в рейхе семь миллионов безработных, Гитлер начал систематически подбирать в свои «штурмовые отряды», помимо юнцов из обнищавшей мелкой буржуазии, люмпенов. Считать, что массовую базу нацизма в первые годы составляла только мелкая буржуазия, ошибочно. Рядом с ней фашистскую партию подпирал именно люмпен-пролетариат, разросшийся в конце двадцатых годов в ходе инфляции и безработицы в Германии до небывалых размеров. Особенно много люмпенов примкнуло к нацистам в столице рейха, тогдашнем центре немецкого преступного мира. Героем — и одно время предводителем — берлинских штурмовиков был Хорст Вессель, в прошлом сутенер. Именно в его честь был сложен известный нацистский гимн.

Какую цену платил Гитлер люмпенам за их готовность наняться к нему на службу? Больше той, которую русский царь платил черносотенцам. На этот раз режь шла не только о прямой денежной плате; штурмовиков одевали в форму, устраивали в казармы и снабжали средствами на карманные расходы. В то же время им было твердо обещано включить их в проектировавшуюся Гитлером новую касту «господ». Вчерашних босяков и воров заверяли, что их вскоре же сделают начальниками и состоятельными собственниками в завоеванных фюрером странах, что таким образом они обретут, наконец, высокий классовый ранг. На началах такой сделки люмпенов муштровали в технике политических налетов, а они, в свой черед, муштровали самих нацистов в деле бесчеловечности.

Одним из тех, кто с самого начала рьяно насаждал в гитлеровской партии типичные люмпен-пролетарские нравы, был организатор антисемитских погромов гаулейтер Франконии Штрейхер. Этот головорез с санкции Гитлера почти открыто призывал к полному истреблению евреев. Другим, и персоной поважнее, был Гиммлер, включивший в число людей, подлежащих массовому уничтожению славян и иные народы. Став шефом госбезопасности, он начал организовывать массовый террор непосредственно сверху, руками тех же бюргерских сынков и военизированных люмпенов.

Обращаясь к эсэсовским офицерам 4 октября 1943 года на закрытом совещании, Гиммлер заявил: «Будут ли народы (захваченных фашистской Германией стран. — Э. Г.) процветать или умирать с голоду, — это интересует меня лишь постольку, поскольку они нужны как рабы для нашей культуры, в остальном это меня не интересует... Честными, порядочными и по-товарищески настроенными мы должны быть только по отношению к людям нашей собственной крови и ни к кому больше».

Такие указания вполне устраивали люмпенов — их еще больше, чем мелких буржуа, в некоторых случаях все еще не освободившихся от остатков мещанской совести. Призыв к звериности, да еще во всемирных масштабах, был именно тем, чего они жаждали.

Еще до этого, в мае 1941 года, врач-эсэовец Раушер обратился к Гиммлеру за разрешением производить в концлагере Дахау опыты следующего рода: держать людей нагими в течение девяти — четырнадцати часов при температуре от двадцати семи до тридцати градусов ниже нуля и затем проверить, можно ли оживить их отогреванием. Гиммлер дал разрешение,

около трехсот человек в лагере умерло, некоторые сошли с ума. 24 октября 1942 года Гиммлер писал Раушеру: «Ваш отчет об опытах замораживания людей я прочел с большим интересом... Тех, кто все еще против этих опытов над людьми... я считаю государственными изменниками... Лично я предполагаю, что эти опыты приведут к длительным и продолжительным результатам».

Со стороны Гиммлера такие высказывания — а их осталось немало — были не обыкновенным садизмом и не признаком безумия, а прежде всего политической мерой: сознательным поощрением бандитского склада ума среди фашистов.

Многие из хлынувших в нацистский лагерь и сделавших там карьеру немецких люмпен-пролетариев смогли удовлетворить свои зверские инстинкты в городах Германии и еще больше — на захваченных гитлеровцами чужих территориях. Не подлежит сомнению, что фашистский геноцид в годы второй мировой войны с классовой точки зрения — дело не только германской буржуазии и мелкой буржуазии, но и немецкого люмпен-пролетариата. Тем не менее этот люмпен-пролетариат в целом в конечном счете все-таки ничего не выиграл и от союза с фашистами.

Уже через полтора года после прихода гитлеровцев к власти он был принесен ими в жертву буржуазному и мелкобуржуазному ядру нацистской партии, заполнившему ряды возвысившегося ордена эсэсовцев. Не штурмовики, среди которых были многие тысячи люмпенов, а эсэсовцы пошли вверх и стали властвовать в третьем рейхе. Дело, объяснялось просто. Хотя Гитлер в своем прошлом сам был типичным люмпеном-бродягой, он, создав большую партию и захватив власть, сразу же перебежал в лагерь монополистической буржуазии и стал выполнять ее указания. Люмпен-пролетариат был грубо использован германским фашизмом, как когда-то французской бонапартистской буржуазией.

И тем не менее он и в наше время остается той деклассированной массой, которую очень хотели бы завербовать силы, ведущие в мире авантюристическую политику того или иного направления. Три такие силы без устали гонятся теперь за люмпен-пролетариатом: неофашизм, неонархизм и маоизм.

III

Как мы видели, опыт истории в последние десятилетия доказывает, что люмпен-пролетариат, несмотря на свою численность и готовность к самым агрессивным выступлениям, в прошлом никогда не мог считаться самостоятельной политической величиной. Его при случае подкупали, нанимали и использовали для собственных целей реакционные классовые группы, но независимую роль в общественной жизни он не играл и играть не мог: на это он был органически не способен. В отличие от настоящих классов — рабочего класса и крестьянства, с одной стороны, буржуазии — с другой, деклассированная, разношерстная масса люмпен-пролетариев не обладала ни умом, ни твердой сознательной волей, чтобы участвовать в борьбе за власть для нее самой. «Поразительную неустойчивость и неспособность к борьбе» люмпенов отмечал Ленин¹.

Но нужно ли считать, что во главе люмпен-пролетариата может стать только люмпен-пролетарий? Отнюдь нет. Маркс в свое время прямо сказал об этом. Говоря о возникшей в 1849 году в Париже люмпен-пролетарской организации Общество 10 декабря, он писал о Луи Бонапарте, становящемся «во главе люмпен-пролетариата», находящего «только в нем массовое отражение своих личных интересов»... В той же работе Маркс еще раз назвал Луи Бонапарта «главой парижского люмпен-пролетари-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 17, стр. 395.

ата»¹. Руководителями черносотенного «Союза русского народа» были доктор Дубровин, помещики Марков II и Пуришкевич. Фюрером нацистов стал бывший люмпен-пролетарий Гитлер, но он тут же переметнулся к буржуазии и олигархии монополистического капитала. Ныне такие же операции с люмпенами надеются провести другие силы.

Что касается неофашистов, то их жажда повторить гитлеровский опыт в этой области бросается в глаза повсюду, где после второй мировой войны возникли их организации. При этом ими движет особая причина.

Надо учесть, что у современного фашизма значительно сузилась социальная база. Поддержка со стороны его прежних сторонников, мелких буржуа, ему уже не обеспечена: несмотря на острый экономический кризис, мелкая буржуазия теперь движется скорей влево, чем вправо. То же в большинстве случаев можно сказать о безработной молодежи. Зато покупать какое-то число бесшабашных, готовых на все люмпен-пролетариев, в частности из той же преступной среды и из тех, кто в ходе кризиса превратился из рабочих в босяков, фашистам все еще по силам. Факты подтверждают, что действующие ныне неофашистские банды почти везде, особенно в США, Франции и Италии, в немалой доле состоят именно из профессиональных головорезов, бандитов и разложившихся юнцов.

Не случайно фашисты опять сознательно распространяют среди своих сторонников типично люмпен-пролетарские настроения и лозунги. Один из их органов в США, журнал «Убей!», писал еще в шестидесятых годах: «Человеку свойственно убивать. Он должен убивать, чтобы идти вперед. Давайте покажем им (неграм. — Э. Г.), кто здесь настоящий хозяин. Кто самый величайший из убийц на свете! Белый, вынь меч из ножен! Рази своих врагов! Убей! Убей! Убей!»

У нормального человека такие призывы могут вызвать только омерзение. Люмпену, да и то не всякому, они могут импонировать.

Другой американский неофашист, священник Рокьюмо из Далласа, писал в своей вышедшей в шестидесятые годы книге «Уходите в высокие горы»: «Если нужно убить врага, надо убить его так, чтобы это производило устрашающее впечатление на других врагов. Труп безразлично, есть у него голова или нет. Но с точки зрения психологии человек, столкнувшийся с таким зрелищем, может представить себя на месте обезглавленного и его сердце содрогнется от ужаса».

Все это тот же язык Гимmlера. Психика «профессионального» люмпен-пролетария действительно не меняется, оценки Маркса и Ленина в точности подходят к нему по сей день. В своих побуждениях и влечениях он, по сути дела, такой же, каким был во времена Луи Бонапарта, Маркова II и Гитлера. Зная об этом, неофашисты всячески потакают ему, раздувая его злобу ко всем и каждому. Вышеприведенные высказывания неофашистов относятся еще к шестидесятым годам. Но вот что обнаружилось в США в текущем десятилетии.

В июне 1970 года на суде в Лос-Анджелесе начало слушаться сенсационное дело люмпен-пролетарской «банды Мэнсона», убившей десятки людей; суд длился девять месяцев. Убийства совершались не с целью грабежа, из мести, страха или по каким-либо другим обычным при уголовных преступлениях причинам, а, как выяснилось, с целью устрашения общественности — именно с таким расчетом, на котором настаивал неофашист Рокьюмо. В большинстве случаев убийцы вообще не знали тех, кого уничтожили, действуя без всякой прямой пользы для себя. Это были убийства ради убийств.

Выяснилось также, что жертвам даже после смерти наносились многие удары ножом. Одного человека после убийства ножом вдобавок повесили. Обвиняемая Сюзи Аткинс, двадцати одного года, рассказывала своей тюремной знакомой, что банда «намеревалась вырвать убитым глаза,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том 8, стр. 168, 174.

раздавить их на стенах, отрезать убитым пальцы... Я знала, что это только начало...» По словам свидетельницы, Аткинс говорила об этом, «как будто речь шла о совершенно естественных вещах, которые можно делать каждый день недели». «Чем больше вы это делаете, — добавила она, — тем больше это вам нравится».

Та же обвиняемая назвала ряд известных лиц, которых также предполагалось зарезать. На допросе, описывая зверские убийства, она временами хихикала, после суда ни разу не проявила ни малейших следов раскаяния или сожаления. В тюрьме сказала другой арестантке: «Я, наконец, дошла до того, что могу убить своих родителей». Другие участники банды, также из числа хиппи, были уличены в таких же поступках и намерениях. Главный обвиняемый, предводитель банды тридцатипятилетний Мэнсон, проведший половину своей жизни в заключении за уголовные преступления, основал «школу убийц»: давая соучастникам-девушкам по ножу, он обучал их со всеми подробностями, как резать людей. Черепа некоторых убитых предписывалось ради устрашения выставлять на столах. По показаниям свидетеля, после одного убийства по способу Мэнсона члены банды смеялись.

Садизм, психоз? И то и другое. Но зверство, доведенное до предела, опять-таки с политической целью. Психика участников банды Мэнсона разительно совпадает с психикой эсэсовцев, убивавших и терзавших людей в лагерях смерти. Такое же абсолютное пренебрежение к моральным началам, как будто их и не существовало. Такая же сознательная бесчеловечность. И такая же непримиримая антисоциальная направленность. Мэнсон и Аткинс мало чем отличаются от нацистского врача Менгеле, заживо шивавшего друг с другом маленьких детей.

Что мэнсоновские люмпены были очень близки к фашизму, было доказано в ходе следствия. Сам Мэнсон высоко чтит Гитлера, называл его «подходящим парнем», «знавшим лучший ответ на все вопросы». Он же был убежденным расистом, уверенным в превосходстве «арийской расы» над всеми другими, и, по-видимому, что-то знал о трудах Ницше. Прокурор по его делу впоследствии заявил, что Мэнсон «видел в себе не менее историческую фигуру», чем Гитлер. «Я действительно верю, — писал прокурор после процесса, — что если бы Мэнсону посчастливилось, то он стал бы вторым Гитлером».

Обнаружилось, что Мэнсон намеревался объединить своих сторонников с мотоциклетными бандами хиппи, чтобы «разъезжать по стране и по всему миру, без отбора хватая людей и казня их, освобождая их от жизни на этой земле». Цель? «Терроризировать общество». Это и есть один из главных методов современного фашизма с его «стратегией напряженности». Превращая в зверей одних и уничтожая других, его вожаки рассчитывают как-нибудь, в какой-то подходящий момент добиться своего.

Дело банды Мэнсона — только один из примеров. По данным Федерального бюро расследований США, большинство ограблений в Америке, зачисленных в рубрику вооруженных, сопровождается избиением ни в чем не повинных жертв, нанесением серьезных ранений и даже убийствами. Наблюдается не только желание поживиться чужим добром, но и чисто люмпен-пролетарская жестокость. Можно предположить, что если огромный преступный мир США когда-нибудь в страхе перед судебными преследованиями или в результате грандиозного подкупа решительно повернет в сторону фашизма, то это поставит нынешнюю «либеральную» Америку перед серьезной угрозой. Миллионы уголовников, несомненно, могут стать стержнем крупной фашистской организации. Для достаточно изворотливого фюрера-авантюриста, обладающего демагогическими способностями и материальными средствами, совмещающего в себе черты Гитлера, Мэнсона и «супергангстера» Диллингера, подобная операция едва ли оказалась бы непосильной задачей.

Следует добавить, что сходные явления, хотя, разумеется, далеко не в таких масштабах, наблюдаются сегодня и в других капиталистических странах. Так, например, в сентябре 1975 года в Италии были раскрыты тесные контакты между уголовниками и неонацистами. Еще раньше неонацистская партия НДП в западногерманском городе Дибурге двух известных уголовников выдвинула своими кандидатами в местные органы власти. Один из руководителей той же партии в Брауншвейге, по имени Отте, в свое время пытался ограбить банк. В Японии среди тридцати тысяч членов различных неонацистских организаций немалое число люмпенов, профессиональных хулиганов. Участники неонацистских демонстраций получают почасовую оплату. Японская фашистская партия, возглавляемая террористом Акао, состоит в значительной мере из профессиональных уголовников. В Португалии в августе 1976 года была раскрыта фашистская террористическая организация, в которую наряду с торговцами и бывшими владельцами предприятий входили лица, связанные с уголовным миром. Расчет на люмпен-пролетариат в настоящее время типичен для всего международного неонацизма.

Такой же расчет — с противоположного конца политической сцены — наблюдается у современного анархизма. Его вдохновители на Западе тоже претендуют на руководство деклассированной массой. При этом происходит нечто вроде возрождения российской нечаевщины конца 1860-х — начала 1870-х годов. Ввиду наличия подходящих для таких целей элементов нельзя недооценивать и эти попытки.

О Сергее Нечаеве, неудавшемся предводителе русского «разбойничьего мира», уже говорилось. Но сегодня его идеология и его программа действий целиком приняты на вооружение новыми анархистами и левыми экстремистами, действующими в ФРГ, Франции, Италии, Японии, Испании, Португалии, Латинской Америке и в других районах. Организации типа западногерманской террористической группы «Баадер-Майнгоф» или итальянских «красных бригад» плодятся одна за другой. Рабочие и широкие круги интеллигенции за ними не идут. Цель неонархистов и псевдолевых — собрать вокруг себя ту же обездоленную, волнуемую молодежь и вступить в контакт с люмпен-пролетариатом. Отсюда новое издание идеи «делающего революцию разбойничьего мира».

Несмотря на все происшедшие в мире со времени Бакунина и Нечаева изменения, новый анархизм копирует старый. Та же пропаганда отказа от научно-революционной теории, те же пренебрежение и неспособность к практической политической деятельности, как когда-то у нечаевской группы. «Итак, — говорилось в адресованной студентам прокламации этой группы в 1869 году, — бросайте же скорее этот мир, обреченный на гибель. Бросайте эти университеты, академии и школы... ступайте в народ... Не хлопчите... о науке, во имя которой вас хотели бы связать и обессилить...»¹.

Та же непреодолимая вражда к марксистскому рабочему движению, побуждавшая Нечаева и Бакунина доходить до прямых угроз (в листовке «Начала революции»): «Бесцельная пропаганда, не задавшаяся определенно временем и местом для осуществления целей революции, нам более не нужна. Мало того, она мешает нам, и мы будем всеми силами ей противодействовать... Всех говорюнов, кто не захочет понять этого, мы заставим замолчать силой... Имеющий очи и уши увидит и услышит людей дела и если не примкнет к ним, не наша вина в его гибели, как не наша вина, если все, что будет прятаться за кулисами, будет уничтожено холоднокровно, безжалостно вместе с кулисами, которые их скрывают»². Из другой листовки той же группы: «Нужно уничтожить не только государство, но и кабинетных революционеров-государственников»³.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том. 18, стр. 391.

² См. там же, стр. 394.

³ См. там же, стр. 392.

И, наконец, тот же упор на бессмысленный, ничем не оправданный террор, рождающий в широких народных массах только гневный протест против его инициаторов. Опыт последних лет убедительно доказал, что террористические акты группы «Баадер-Майнгоф» в ФРГ, «красных бригад» в Италии и таких же групп в других странах Запада ни к чему, кроме возмущения в рядах широкого населения и активизации неофашистов, не приводят.

Это с предельной отчетливостью подтверждается недавними событиями в Италии в связи с похищением так называемыми «красными бригадами» бывшего премьер-министра А. Моро. Неделями была взволнована вся страна, стоял невообразимый шум. Но какая социальная сила скрывалась (и скрывается) за этими террористическими актами? Нетрудящееся население. Так политика рабочего класса не ведется, и это понимали даже буржуазные круги. Итальянские рабочие не только не имели к террористическим действиям никакого отношения, но во главе с коммунистами потребовали принятия строжайших мер против организаций, пытающихся с помощью провокаций подорвать республиканский строй и привести к краху демократические завоевания народа.

Мало того. Обнаружилось, вне всякого сомнения, что террористы фактически играют на руку неофашистам, давно ищущим предлога для установления в Италии военно-авторитарной диктатуры пиночетовского типа. Характерно, что и пропагандистская литература «красных бригад» направлена прежде всего против коммунистов. Сами итальянские коммунисты теперь открыто называют действия левацких террористов «новым фашизмом».

Объективно между «ультра» с той и другой стороны действительно происходит своеобразное сотрудничество. Неофашисты провоцируют уличные эксцессы леваков, те, в свою очередь, — эксцессы неофашистов. Так, быть может, не случайно, что неофашисты в последнее время сосредоточивали свои провокационные операции как раз в том районе страны, откуда родом похищенный в марте этого года бывший премьер-министр Моро, — в Апулии. Здесь прошлой зимой чернорубашечниками на центральной площади города Бари был зарезан коммунист Патроне. И здесь же процветает организованная преступность: похищения людей с целью получения выкупа, контрабанда, проституция, торговля наркотиками. Увозом людей занимаются и неофашисты и мнимые «крайне левые».

Социальная подоплека этих событий в Италии ясна. Стремительный рост числа люмпен-пролетариев в этой стране в послевоенные годы не подлежит сомнению. В 1976 году здесь было совершено 2,4 миллиона преступлений, на сто тысяч жителей пришелся 3641 преступник. К кому идут уголовники и мафиози? Либо к фашистам, либо к авантюристам-левакам. И тут и там перед ними открывается широкая возможность поживиться чужим добром и похулиганить.

Мнимое «полевение» люмпенов, включая не имеющих средств к жизни и отчаявшихся безработных, наблюдается и в Японии. Об этом свидетельствует, например, факт, что в марте текущего года этим элементам путем чисто погромных действий удалось на какое-то время сорвать решение правительства об открытии аэропорта Нарита близ Токио. Характерно, что среди леваков распространен даже особый «фасон» одежды: они носят потертые на коленях грязные джинсы, подчеркивая тем самым, надо думать, свое презрение к обществу. В той же Японии уже годами действует террористическая организация «Красная армия», связанная с такими же группами в Западной Европе. В действительности у причастных к таким организациям люмпенов речь и здесь идет о тяготении к «политически» закамуфлированным уголовным преступлениям.

Но все это не настоящая политика, а чистейший беспросветный авантюризм. У неоанархистов и неонечаевцев нет будущего, как не было у самого Бакунина и самого Нечаева. Никакие общественные силы,

не считая кучек взвинченной, оторванной от масс интеллигенции и молодежи, за ними не стоят. Отсюда, как и у неофашистов, их расчет на люмпен-пролетариат.

Но не перегоняет ли тех и других в осуществлении таких же расчетов теперь совершенно иная, несравненно более активная политическая сила — маоизм?

IV

Почему маоистов начинает интересовать люмпен-пролетариат?

Прежде всего потому, что достаточно широкой социальной опоры в капиталистическом мире у них, как и у неоанархистов и неофашистов, несмотря на все их усилия, нет и не предвидится. Между тем для политики, направленной на установление мировой гегемонии, такая опора им срочно нужна. Маоисты ищут ее, где только могут. Где ее найти?

Рабочий класс в главных районах капиталистического мира, в Западной Европе и Северной Америке, маоистам не верит. Ничего, кроме третьей мировой войны, они ему, по существу, предложить не могут. Крестьянство, на которое в «третьем мире» маоисты возлагают столько надежд, в Западной Европе и Северной Америке ничего общего с ними не имеет. Широкая масса интеллигенции на Западе после китайской «культурной революции» относится к политике маоистов, хотя бы и нынешнего толка, с предельным недоверием, и они это знают. На какие же силы они рассчитывают опереться? Ответ может быть только один: на ту же взбудораженную молодежь и на тот же люмпен-пролетариат.

Наиболее незрелая, неустойчивая часть молодежи в западных странах, как известно, кое-где действительно становится жертвой прямой маоистской пропаганды. Промаоистские организации, составленные в значительной части опять-таки из студентов, созданы на китайские деньги почти повсюду. Но считать эти сравнительно мелкие организации надежной постоянной опорой маоистский центр не может, и не только потому, что они сплошь и рядом так же быстро раскалываются и исчезают, как возникают. Причины кроются глубже.

Для европейцев и североамериканцев маоисты не та партия, с которой навсегда соединишь свою жизнь и судьбу. Действительность доказывает день за днем, что мнимая «сверхреволюционность» на практике ничего не дает. Уличные беспорядки происходят, но «революция» не приближается. Многие из пылких, нетерпеливых, но честных в своей «левизне» юношей и девушек, становясь старше, приобретая жизненный опыт, разочаровываются и покидают ряды промаоистских организаций. Слой, который хотя бы по своему темпераменту больше всего подходит маоистам, неустойчив. Ставка на него оказывается сомнительной.

Выступая 18 августа 1966 года на площади в Пекине и торжественно объявляя о создании организации хунвэйбинов, Мао Цзэ-дун заявил, что она имеет не только общенациональное, но и международное значение. С того времени прошло двенадцать лет, но превратить молодежь Запада в хунвэйбинов маоистам не удалось. Более чем вероятно, что в случае критических событий на Западе такие попытки будут повторены и охваченную брожением молодежь постараются бросить на улицу. Есть немало поводов считать, например, что во время эксцессов «красных бригад» в Италии весной этого года в дело была замешана и тайная агентура маоистов. Но в настоящее время их успехи на этом поприще все же невелики. Остается, как у неофашистов, ставка на люмпенов. Многое говорит за то, что эта ставка с их точки зрения вернее.

Главное заключается в том, что маоистские призывы и методы вполне подходят люмпен-пролетариям как в Западной Европе, так и в Америке и в других районах мира. Из Пекина призывали «взорвать» буржуазное общество и разгромить существующую культуру. Это вполне по вкусу

уголовникам, боснякам и хулиганам на Западе, надеющимся пожить на «взрывах» для своего кармана. Маоисты знают, что люмпен-пролетариат в капиталистическом мире не стал просвещеннее и добрее, чем в прошлом; скорее, наоборот. Не получая поддержки в рядах рабочего класса — который обвиняется ими в обуржуазивании, — в крестьянстве, в интеллигенции, они поворачиваются к деклассированной массе.

Их лозунги, сфабрикованные во время «культурной революции» для китайских хунвэйбинов, вполне годятся и для западных люмпенов. «Мы не станем с вами деликатничать, — говорилось в листовках хунвэйбинов, когда они избивали партийных ветеранов и интеллигентов, врываются в книжные магазины, храмы, пагоды. — Вы все провоняли, от вас осталась одна гниль! Мы презираем вас, будем бить, крушить!», «Разобьем их собачьи морды! Пусть наши штки напьются их крови!», «Чтобы они расшибли себе мозги! Перебили себе все кости!»

Это язык, которым говорили черносотенные погромщики в России в 1905 году и гитлеровские штурмовики в тридцатых годах. Он донельзя понятен боснякам, вора и хулиганам на Западе. Разница лишь в том, что у маоистов язык этот одобрен звучащими по-«левому» пустыми фразами.

Столь же роднит обе стороны ненависть к интеллигенции и абсолютное пренебрежение к морали. «Для него не существует морали, — записывал находившийся в годы второй мировой войны в штабе Мао Цзэ-дуна связной Коминтерна П. Владимиров. — Есть сила и возможность чего-то добиться (пусть самыми грязными средствами) — делай! Доводы найдутся потом... Какие жертвы будут в том или ином случае, авантюра это или нет... сие его не трогает. Можно сказать, совсем не трогает — и это не преувеличение... Он над человеком, над законами, моралью, страданиями... Он совершенно черств. Понятия добра и зла для него преломляются в понятие целесообразности для него лично».

Это опять-таки психика люмпенов в чистом виде.

И, наконец, сходство во взглядах на методы и средства общественной деятельности. Говоря в 1906 году о вооруженной борьбе и экспроприациях в тогдашней России, Ленин писал: «Как преимущественную и даже и с к л ю ч и т е л ь н у ю форму социалистической борьбы, эту форму борьбы восприняли босяческие элементы населения, люмпены и анархистские группы»¹. Так по сей день представляют себе свое поведение в острых ситуациях в их стране и люмпен-пролетарии современного капиталистического мира. И именно так действуют промаоистские группки в этих странах в критические дни.

Устремления совпадают. Несомненно, что немало люмпен-пролетариев на Западе с восторгом стали хунвэйбинами (как раньше штурмовиками), получив за это соответствующую мзду и право на разбой. Уже говорилось, что своей идеологии у люмпенов не было и нет, маоистские теории их не интересуют. Но маоистские дела им подходят.

Мало того. Иначе, чем у неофашистов и неонархистов, за маоистами непосредственно стоит крупная держава, располагающая большими материальными, политическими и военными средствами. Факт этот влияет не только на политических и дипломатических деятелей, склонных к сговору с Пекином, но ничуть не меньше и на профессиональных погромщиков в тех же странах. Переметнувшись в маоистский лагерь, эти элементы, и особенно их вожаки, ощущают за собой сильную руку, а им это требуется, как в XIX веке парижским вора и жуликам требовалась протекция бонапартистского двора.

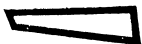
Сумеет ли маоизм привлечь на свою сторону немалую часть люмпен-пролетариата, как это в свое время удалось нацистам? Вопрос пока остается открытым; многое зависит от дальнейшего развития событий. До сих пор, как доказано историей, деклассированная масса склонялась обычно

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 14, стр. 4—5.

вправо, причем именно в сторону крайне правых. Но ориентирующиеся на Пекин круги явно не теряют надежды, что на этот раз им удастся перехватить инициативу и заманить хотя бы часть армии люмпенов в левацкий лагерь. Ясно, во всяком случае, что современный люмпен-пролетариат приходится рассматривать как возможный резерв уже не только фашизма, но и маоизма.

Самостоятельной роли он, как и прежде, играть не будет. Серьезные политические действия ему не по плечу. В какие цвета крайне правые или крайне «левые» его бы ни наряжали, объективно он служит реакции. Люмпен-пролетариату не могут быть революционерами. Основной движущей силой общества в капиталистическом мире остается рабочий класс, действующий в союзе с крестьянством и интеллигенцией. Рабочему же классу с люмпенами, как и в прошлом, не по дороге. В высокоразвитом социалистическом обществе люмпен-пролетариат осужден на постоянное отмирание. Только в таком обществе его социальная проблема может быть разрешена.

Тем не менее в капиталистическом мире судьба люмпен-пролетариата еще не свершилась. Те, кто стремится использовать его в своих темных целях, пойдут на все, чтобы сделать его еще более распущенным и свирепым, чем когда-либо раньше, и толкнуть на самые рискованные авантюры. Но так или иначе срок, предназначенный люмпен-пролетариату историей, не безграничен.

Сканирование - ?????????
DjVu-кодирование - Беспалов

ВЛАДЕЛЬЦАМ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ
ПРЕДЛАГАЕТ СВОИ УСЛУГИ
ГОССТРАХ

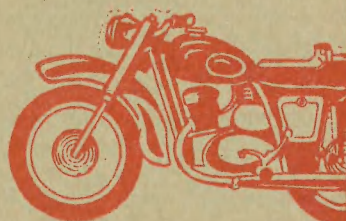
Возмещение ущерба при повреждении или гибели средств транспорта в результате аварий, различных стихийных бедствий, а также при их похищении (угоне) ОБЕСПЕЧИВАЕТ ДОГОВОР СТРАХОВАНИЯ.

Автомашины, мотоциклы, мотороллеры, мопеды, моторные, парусные, гребные лодки, катера и другие суда, находящиеся в личной собственности граждан, можно застраховать на год или более короткий период.

Плата за страхование устанавливается в зависимости от вида транспорта и размера страховой суммы и вносится при заключении договора. Если годовой платеж превышает 30 рублей, то уплатить его можно за два раза: половину суммы — при заключении договора, оставшуюся часть в течение 4-х месяцев после вступления договора в силу. Лицам, страховавшим средства транспорта более 2-х лет без перерыва и не допустившим за это время по своей вине аварий, предоставляется скидка в размере 10%, а более 3-х лет — в размере 15%.

Ознакомиться с условиями страхования и оформить договор можно у страхового агента или в инспекции Госстраха.

Госстрах РСФСР

Ф 2-78
1358(8)

IX 46
94

ЗНАМЯ

В НОМЕРЕ

Роман

Виля ЛИПАТОВА

**«ЖИТИЕ
ВАНЮШКИ МУРЗИНА...»**

Михаил МАТУСОВСКИЙ

«СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ»

Стихи

Валентина БЕРЕСТОВА, Влади-
мира КОСТРОВА, Александра
ЮДАХИНА

Иностранная новелла

Э. Фолленвейдер

«В ТУМАНЕ»

К 150-летию со дня рождения

Л. Н. Толстого

Л. ОПУЛЬСКАЯ — Героическая
тема в творчестве Л. Н. Толстого

Очерки и статьи:

В. ПАЛЬМАНА, И. ЦЕХОНИ,
Эрнста ГЕНРИ, В. КОВСКОГО,
В. ДЕМЕНТЬЕВА

8

1 9 7 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»